

ВВЕДЕНИЕ

История уходит в прошлое... Но она и остается с нами, в нас. Она сохраняется в преемственности государственных структур и традиций, в исторической памяти народа, в русской общественной мысли. Иногда она возвращается к нам в виде памяти о славных своих страницах, ностальгических воспоминаниях «о былом и несбывшемся» или, напротив, в виде кровавых кошмаров эйзенштейновских бесноватых оргий Ивана Грозного, бессудной расправы над семьей последнего российского царя, в абсурдистски «стройной» бериевской системе ГУЛАГа... Как бы то ни было — это наша история, и нам от нее никуда не уйти. Более того, память о ней нам необходима и как память о былом величии, и как предупреждение против творимого ею (нами!) зла. Только в связи времен живо государство, жив народ, жива нация. В случае забвения прошлого это будут другое государство и другой народ, или их просто не будет. И не случайно сегодня в период, казалось бы, тотального обновления наши реформаторы все чаще прибегают к отработанным в прошлом, но «хорошо забытым» социальным технологиям: получила распространение и пропаганда старых идеологических схем, трафаретов и лозунгов вроде «русской идеи», «Собора русского народа», столыпинской «Великой России», «Евразии», сталинской «Советской власти», сознательно умалчивающая их подлинное содержание.

А между тем в арсенале русской государственной истории и истории общественной мысли остается масса прогрессивных идей и социальных технологий, реализованных или не реализованных по тем или иным причинам в свое время, но сохраняющих свой познавательный, конструктивный потенциал. Все это побуждает нас вновь

и вновь обращаться к истории и, в частности, к *истории русской общественной мысли*, в поисках пути конструирования социальной реальности.

Мы исходим из того, что наряду с традиционным историческим подходом в изучении исторического наследия не менее продуктивным является социально-философский подход, ориентированный на выявление логики развития социально-исторической реальности, на определение роли в этом процессе социальных технологий и идеологий. В этом контексте русская общественная мысль всегда была направлена на реконструирование или радикальное преобразование действительности и поэтому, как правило, наряду с идейно-критическим пафосом имела, бесспорно, и практический смысл. Означенные доводы и определили наш предмет исследования.

В качестве метода исследования нами принят *метод моделирования*. Обращение к последнему требует некоторых пояснений.

Прежде всего, мы имеем в виду моделирование в той его форме, в какой оно адаптировано гуманитарным познанием¹. При этом мы различаем первичные *проективные модели*, направленные на преобразование социальной реальности, и вторичные *гносеологические модели*, ориентированные, в частности, на познание первичных, проективных моделей в их соотношении с исторической реальностью.

Метод моделирования, каким он сложился в 50—70-х годах в настоящее время следует дополнить теорией *социального конструирования реальности*, как она представлена в последних трудах П.Бергера и Т.Лукмана. Мы принимаем в качестве методологического принципа исходный тезис авторов, что реальность *социально конструируется* и что поэтому «социология знания имеет дело с анализом *социального конструирования реальности*»². Заметим, однако, что идея конструирования социальной реальности действующими в ней индивидами в определенном отноше-

нии не нова для русской социально-философской мысли. От Нила Сорского до Ивана Ильина проходит мысль об «умном делании» социальной реальности. Но в отличие от американских ученых, делающих упор на «повседневном знании» как конструктивном моменте «жизненного мира», в русской общественной мысли акцент делается на «умном», т.е. идеологически осмысленном, «делании» социального мира.

Обращаясь к социальному моделированию как методу познания, необходимо учитывать сложность социальных систем. Каждая из них, развиваясь в одном историческом времени, наследует и рекультивирует ценности и социальные технологии предшествующих эпох, даже отрицаемые ею. И, в свою очередь, каждая эпоха, даже не помышляя о том, определяет параметры и делает «заготовки» для последующего развития, далеко не всегда оптимальные и даже приемлемые для него, которые поэтому приходится ломать или откладывать «в запасники истории». В этой связи напомним замечание В.В.Налимова, что не следует рассчитывать на полную изоморфность познавательных моделей, скорее они являются «эскизным описанием диффузных (сложных, больших) систем». В больших системах, к каковым, бесспорно, следует отнести социальные и идеологические системы, нельзя установить непроницаемые перегородки, разграничивающие действие различных переменных обстоятельств. Здесь «необходимо учитывать действие очень многих разнородных факторов, задающих различные по своей природе, но тесно взаимодействующие друг с другом, процессы»³.

И, наконец, еще не маловажный момент: избрав в качестве предмета исследования модели социально-исторического развития в русской общественной мысли, мы вынуждены придерживаться как бы двойной логики — логики источников и логики современного социально-философского знания. Это значит, что выделенные нами познавательные модели

остаются открытыми и для последующих поисков и реинтерпретаций, тем более, что каждый новый подход не только *открывает* что-то ранее неизвестное в исследуемой им реальности, но и сам *вносит* в нее нечто свое, новое. При этом строя модель прошлого, современный человек на ее основе воссоздает «исправленный» проект настоящего и кроме того (на него всегда оказывает влияние «эхо будущего»).

Любое обращение к истории предполагает определенные временные границы. В частности, наше исследование мы ограничили второй половиной XIX началом XX века, потому что в это время русская общественная мысль сама поднялась до проективного моделирования. Но главное, в означенный период *завершился определенный цикл* русской истории, что позволяет реконструировать отобранные модели *с учетом знания их конца*. Это обстоятельство было принято за основу при отборе моделей развития России в качестве предмета исследования. Наконец, нами был учтен и принцип их репрезентативности с точки зрения модальности. Соответствующими этим принципам нам представились следующие три модели развития России, в той или иной мере «пережитые» страной и выявившие свои исторические возможности и реальные альтернативы:

— *модель русского самодержавия* как вполне *реализовавшуюся* в социальной действительности, что позволяет определить ее конструктивные основания, динамику и пределы развития;

— *модель социалистической утопии*, к которой упорно обращалась русская общественная мысль в поисках социальной справедливости;

— *модель русского либерализма* как вероятная, но не реализовавшая себя *историческая альтернатива*.

Обращаясь к практике моделирования в русской общественной мысли, мы сознавали, что предлагаемые модели имеют обобщающе познавательный характер,

поэтому, с одной стороны, стремились как можно полнее представить исходные «проективные модели» русской общественной мысли, с другой (логически обосновать выстроенные нами модели, определить их сферу влияния на современную социально-философскую мысль и общественную практику.

В отличие от первичных проективных моделей, рассчитанных на внедрение в практику, выделенные нами модели имеют *познавательный* характер. Отметим, что создание вторичных, познавательных моделей социальной реальности требует не только тщательного «прочтения» текстов прошлого и их интерпретации в свете исторической реальности того времени, но и определенного *упрощения*, в частности путем определения параметров, по которым явно или имплицитно будет осуществляться и построение вторичных аналитически познавательных моделей.

В реконструкции означенных моделей развития мы исходили из следующих параметров:

- исторические, в том числе геополитические, предпосылки утверждения того или иного социального типа или упреждающих его конкурирующих моделей;

- государственный политический строй и его правовое основание, наличие альтернативных вариантов;

- социально-экономический строй, гражданское общество, их правовые гарантии;

- международный статус государства и сфера его геополитических интересов;

- обслуживающие или упреждающие их идеологии и сопутствующая им символическая культура;

- внешний и внутренний культурный и идеологический фон, оказывающий влияние на рекультивацию господствующей модели развития;

- и наконец, *обыденное сознание повседневности*, которое, подобно основанию айсберга, творит свою работу скрыто от глаз.

Данные параметры, повторяем, приняты нами во внимание при построении предложенных моделей развития России в контексте их исторического развития и в их отношении к современности. Еще раз согласимся с Бергером и Лукманом в том, что «знание об обществе является /.../ реализацией в двойном смысле слова — в смысле понимания объективированной социальной реальности и в смысле непрерывного созидания этой реальности»⁴.

Введение и заключение — *Л.И.Новикова, И.Н.Сиземская,*

I раздел — *Л.И.Новикова;*

II раздел — *И.Н.Сиземская*

III раздел — *Л.И.Новикова, И.Н.Сиземская*